

Михаил Бахтин – культовая фигура филологии. Настолько, что открывать его книги и разбираться в тонкостях мыслительных построений вовсе не обязательно. Достаточно жонглировать терминами, давно обретшими магическое значение. «Карнавал», «полифония», «диалог», «хронотоп»... Плюс для верности можно заучить пару универсальных цитат и произносить их при любом случае, как в свое время поступали с классиками марксизма-ленинизма. Сложился даже особый бахтинский культ, с которым, в первую очередь, и борется Алексей Коровашко.

Коровашко – нижегородский филолог, автор монографии «Заговоры и заклинания в русской литературе XIX–XX веков». В его багаже есть книга «По следам Дерсу Узала. Тропами Уссурийского края». В настоящее время он совместно с Василием Авченко работает над книгой о писателе Олеге Куваеве, интерес к которому всколыхнулся после экранизации его «Территории».

Бахтинская биография – это скорее попытка критики «сакрального статуса Бахтина», который установили в последний период его жизни последователи-апостолы и последующие почитатели. «Близкие Бахтину люди канонизировали его для себя частным порядком, но со всей возможной серьезностью», – пишет биограф. Само собой, сравнение его с Пасхой, «человеком завета», со святыми может раздражать и вызвать протест, как от чрезмерно елейного и приторного. Да и сам Бахтин, по словам Коровашко, «не строил никаких планов по собственному обожествлению».

В интервью газете «Культура» Алексей Коровашко сравнивает бахтинское наследие с автозаправочной станцией. Его тексты «сейчас являются не столько универсальной “отмычкой”, с которой можно подойти к любому произведению мировой литературы, сколько надежным источником творческой энергии, питающей “машину” филологической мысли». Об этом источнике творческой энергии во многом и говорит автор, подробно и с филологической дотошностью разбирая бахтинские труды. Все для того, чтобы вычленил секрет его «философского камня». Но как вычленил золото, когда поле для критики преогромное?..

Говоря о бахтинской работе «Автор и герой в эстетической деятельности», биограф замечает, что мы «наблюдаем почти арабскую вязь произвольно созданных понятий и сплошную череду побед интуитивного над дискурсивным». По его словам, этот «трактат Бахтина занимает промежуточное положение между черновиком, конспектом и беловиком». Бахтин превращается в Сусанина, когда речь в книге заходит о его монографии, посвященной той самой карнавальной культуре и гротеску: «Учитывая, что и первая линза самопального бахтинского прибора,

как минимум, изрядно кривовата, изготовленная с его помощью концепция гротеска начинает теряться в каком-то странном иллюзорном мареве, заставляя читателей “Творчества Франсуа Рабле...” бродить среди квазинаучных фантомов и призраков». Секрет популярности бахтинской книги о Рабле Коровашко видит в том, что она является «универсальным всеобъясняющим конструктом, который легко опровергнуть, но очень увлекательно применять». И в этом плане Бахтин сравнивается с Фрейдом и Львом Гумилевым вкупе с его пассионарностью.

Или вот о «Проблемах творчества Достоевского»: «эту книгу нельзя отождествлять со Священным Писанием, каждая буква которого должна вызывать немое восхищение. Относиться к ней нужно так, как относятся к обычному литературоведческому труду, имеющему свои достоинства и свои недостатки. Было бы чрезвычайно полезно принимать исследование Бахтина “внутри” не в виде отдельного филологического блюда, способного полностью захватить сознание доверчивого читателя, а вместе с противоядием, изготовленным, например, тем же Комаровичем. Его вкусовые качества при такой “сервировке” только улучшатся».

Алексей Коровашко уже во введении говорит о том, что «пик развития “индустрии Бахтина” уже пройден, и она переживает “кризис перепроизводства”». Поэтому следует преодолеть инерцию кумиропочитания и трезво взглянуть на наследие известного на весь мир мордовского преподавателя, а там уж, гляди, засветит обновленный «необахтинизм». Все дело в сервировке.

По версии Коровашко, жизнь Бахтина «больше напоминает мифологический роман об умирающем и воскресающем “божестве”». На долгие годы Бахтин был чуть не вычеркнут из мира живых, воспринимался за давно почившего автора исследования о Достоевском. Возможно, так бы и произошло, если бы он попал на Соловки, но вместо них вместе с ссылкой он получил другой вариант судьбы и «воскрес» со своими трудами в 60-е. Это своеобразное «помилование» роднит его с Достоевским.

Отметим, что биография у Коровашко из-за описанных причин получилась далеко не исчерпывающая. Скорее, это диалогический спор с традицией сакрализации Бахтина и его наследия, с «официальной бахтинской агиографией», которая ваяла его житие. И в этом автор несколько увлекся, впал в инерцию подобного подхода и через это много упустил.

Вот, к примеру, упоминание Константина Федина, который в 60-е стал крупным литфункционером и благодаря стараниям Вадима Кожина помог пробить публикацию монографии о Достоевском. Вскользь упоминается ленинградское знакомство Федина и Бахтина. А ведь за много лет до этого сам Бахтин в сложный период звонил Федину, но тот ответил, что «ошиблись номером». Или не было этого звонка, одно мифотворчество? Вся эта история имеет большой интригующий потенциал, почему бы ее не раскрыть? Но это только один пример возможностей сделать биографию увлекательней, пустить в нее россыпь загадок.

Как герой переживал бури времени? Великая война, развенчание культа личности, полет в космос, мог ли стать диссидентом и знал ли что-то о Солженицыне, как отреагировал на Нобелевку Пастернаку, почему не состоялось знакомство с ним, притом что их хотели представить друг другу. Интересовался ли вообще современной литературой. Или домыслы о своеобразном шефстве Юрия Андропова над ученым.

Было ли что-то подобное? Как сочеталась страсть к филологии с бухгалтерской закваской?

Коровашко не упустил интригующего в биографии героя. Так, он обстоятельно затрагивает тему «виртуальных “корочек” вузовского диплома» и как без этих самых корочек удалось «бездипломному мыслителю» остепениться. Разбирает автобиографическое мифотворчество самого Бахтина, который подозревается в том, что запустил «конвейер по производству анкетных фантомов».

«Обучение Бахтина в Одесском и Санкт-Петербургском (Петроградском) университетах является чистой воды легендой, которую, подобно Карфагену, необходимо разрушить», – пишет Коровашко и обещает вести речь о «самозванстве Бахтина».

Но человека оказалось меньше в книге, чем этого хотелось бы. Все-таки автор – филолог и сконцентрировался на научном наследии. За пределами исследования и «секрет личности Бахтина», о чем в свое время сокрушался еще Сергей Аверинцев. Книга оставляет большой простор для дальнейшего разговора об ученом.

«Он, наш общий учитель, никому не оставил возможности быть его “последователем” в тривиальном смысле слова», – писал о Бахтине Аверинцев. Но при этом большое количество многомудрых и ученых мужей называют Бахтина учителем. Наверное, не потому, что его работы не подлежат критике и к ним вообще не придраться. Не потому, что от них можно вдоволь зарядиться мыслительной энергией. Они – большое поле для диспута, о чем и пишет Алексей Коровашко. Возможно, Бахтин, которого многие воспринимали за давно умершего или сгинувшего, стал образом возвращения дореволюционной России, а потом Серебряного века, симфоническим мостиком, связывающим настоящее с прошлым.

Написав этот текст, я открыл наугад книгу Виктора Шкловского «Энергия заблуждения» (в своей биографии Коровашко периодически обращается к нему) и наткнулся на высказывание о Бахтине: «Уважаю Бахтина, который сказал, что этот великий писатель (Достоевский. – *А.Р.*) с многими голосами, которые как будто оспаривают друг друга, по-своему понимают свое. Но спор героев друг с другом, взаимное непонимание героев – это простейшее и древнейшее свойство искусства». Быть может, в этом и заключается бахтинский феномен: сказать не о ранее неведомом, не силиться открыть непознанное, а высказаться об универсальном, казалось бы, очевидном, которое до него все игнорировали. Сказать просто и доходчиво, но так, что мысль занозой вопьется в сознание многих.

Главное значение Бахтина – в попытке смены мировоззрения, в приближении гуманитарного знания к «эйнштейновскому миру с его множественностью систем отчета», в призыве «отрешиться от монологических навыков». Это уже из его книги о Достоевском.

Все тот же Аверинцев писал: «Выходя из согласия с Бахтиным, его не потеряешь; выходя из диалогической ситуации – потеряешь». Он стал образом открытой филологии, доступной и понятной учености. Образом диалога. Вот и Алексей Коровашко вышел из согласия с ним, чтобы обрести нового несакрализованного Бахтина.